

П. Н. КРАСНОВ

**<«Он разрушил армию,
надругался над военной наукою,
и за то я презирал и ненавидел его»>**

<...> В штабе походного атамана у меня все были старые знакомые и сослуживцы. И начальник штаба ген. Смагин¹, и Сазонов², и чины штаба полковники Власов³ и Греков были уверены в полном успехе дела. Они мне подробно рассказали о том, что Керенский определенно ведет армию к полному разложению и, если он останется у власти, солдаты покинут фронт и станут брататься с немцами. Керенский совершенно подчинился Исполнительному комитету Совета солдатских и рабочих депутатов, того Совета, который издал приказ № 1. Правительство ничего не стоит и ничего не понимает; России угрожает гибель. Спасти может только диктатура, и в решительную минуту, когда самое существование России висело на волоске, верховный главнокомандующий взял на себя свергнуть Керенского и стать во главе России до Учредительного собрания.

Тут же мне показали приказ Корнилова, написанный в сильных, но слишком личных тонах. «Сын казака-крестьянина» звучало как-то не у места и не отвечало всему тону приказа, написанному не по-крестьянски. В прекрасно, благородно, смело написанном приказе звучала фальшь. Я ее сейчас заметил. В штабе походного атамана ее не замечали, но солдаты и казаки уловили ее сразу и потом только ее и видели. Психология тогдашнего крестьянина и казака была проста до грубости: «Долой войну. Подавай нам мир и землю. Мир по телеграфу». А приказ настойчиво звал к войне и победе. Керенский, который лучше понимал настроение массы, сейчас же учуял эту фальшь, и его контрприказ, объявлявший Корнилова изменником и контрреволюционером, говоривший о тех завоеваниях революции, которые солдатом понимались как

своевольничание, ничегонеделание, пьянство и отсутствие какой бы то ни было власти, сразу завоевал симпатии солдатской массы. Разговаривая со Смагиным и Сазоновым, я откровенно высказал и следующие свои взгляды по поводу всего дела.

Замышляется очень деликатная и сильная операция, требующая вдохновения и порыва. Coup d'etat⁴, — для которого неизбежно нужна некоторая театральность обстановки. Собирали III корпус под Могилевым? Выстраивали его в конном строю для Корнилова? Приезжал Корнилов к нему? Звучали победные марши над полем, было сказано какое-либо сильно увлекающее слово, — боже сохрани — не речь, а именно слово, была обещана награда? Нет, нет и нет. Ничего этого не было. Эшелоны ползли по железным путям, часами стояли на станциях. Солдаты толпились в красных коробках вагонов, а потом, на станции, толпами стояли около какого-нибудь оратора — железнодорожного техника, постороннего солдата, — кто его знает кого? Они не видели своих вождей с собою и даже не знали, где они.

Все начальство осталось позади. Корнилов задумал такое великое дело, а сам остался в Могилеве, во дворце, окруженный туркменами и ударниками, как будто и сам не верящий в успех. Крымов⁵ — неизвестно где, части не в руках у своих начальников.

Все это я высказал в штабе. Но меня разуверили и успокоили. Керенского в армии ненавидят. Кто он такой? — штатский, едва ли не еврей, не умеющий себя держать фигляр, а против него брошены лучшие части. Крымова обожают, туземцам все равно, куда идти и кого резать, лишь бы их князь Багратион⁶ был с ними. Никто Керенского защищать не будет. Это только прогулка; все подготовлено.

<...>

Солдат устал от войны, окопная жизнь ему насмерть надоела, его тянуло домой, на ту самую землю, которой он наконец добился. Дезертировать мешал страх наказания и остаток совести, и солдат ждал и прислушивался только к одному слову, и это слово было мир. Временное правительство и особенно Исполнительный комитет Совета солдатских и рабочих депутатов это слово произносили часто, то принимая, то отрицая возможность мира; они думали, значит, о мире, обсуждали его. Войны хотели только генералы и офицеры, потому что она им выгодна, так как дает им чины и награды, — так внушали солдату, и солдат этому верил. Керенский вовсе не был популярен как личность, как оратор, как идейный человек; смеялись над его жестами и его пафосом, но Керенский

был их адвокатом и защитником перед офицерами и генералами, и потому был любим не как Керенский, а как идея мира. Уже то, что он был штатский, а не офицер, давало надежду солдатам, что он пойдет против войны, за мир, потому что ему-то мир был нужен, а не война. И мы увидим, как отметнулась солдатская масса от своего кумира Керенского и готова была предать его, как только Керенский пошел за войну, отказался от мира «по телеграфу». Мир «по телеграфу» дали большевики, и солдатская масса пошла за ними. <...>

Чем был для меня Керенский

Месяц лукавым таинственным светом заливал улицы старого Пскова. Романтическим средневековьем веяло от крутых стен и узких проулков. Мы шли с Поповым пешком, чтобы не привлекать внимания автомобилем. Шли, как заговорщики... Да по существу мы и были заговорщиками — двумя мушкетерами средневекового романа!

Я шел к Керенскому⁷. К тому Керенскому, который...

Я никогда, ни одной минуты не был поклонником Керенского. Я его никогда не видал, очень мало читал его речи, но все мне было в нем противно до гадливого отвращения.

Противна была его самоуверенность и то, что он за все брался и все умел. Когда он был министром юстиции — я молчал. Но когда Керенский стал военным и морским министром, все возмутилось во мне. Как, думал я, во время войны управлять военным делом берется человек, ничего в нем не понимающий! Военное искусство — одно из самых трудных искусств, потому что оно помимо знаний требует особого воспитания ума и воли. Если во всяком искусстве дилетантизм нежелателен, то в военном искусстве он недопустим.

Керенский — полководец!.. Петр, Румянцев⁸, Суворов⁹, Кутузов¹⁰, Ермолов¹¹, Скобелев... и Керенский.

Он разрушил армию, надругался над военной наукою, и за то я презирал и ненавидел его.

А вот иду же я к нему этою лунною волшебною ночью, когда явь кажется грезами, иду, как к верховному главнокомандующему, предлагать свою жизнь и жизнь вверенных мне людей в его полное распоряжение?

Да, иду. Потому что не к Керенскому иду я, а к родине, к великой России, от которой отречься я не могу. И если Россия с Керенским,

я пойду с ним. Его буду ненавидеть и проклинать, но служить и умирать пойду за Россию. Она его избрала, она пошла за ним, она не сумела найти вождя способнее, пойду помогать ему, если он за Россию...

Вот о чем грезили, о чем переговаривались мы с С. П. Поповым, пока искали квартиру полковника Барановского, у которого был Керенский.

Искали долго. Наконец, скорее по догадке, усмотревши в одном доме два освещенных окна во втором этаже, завернули в него и нашли много не спящих людей, суету, суматоху, бестолочь, воспаленные глаза, бледные лица, квартиру, перевернутую кверху дном, и самого Керенского.

